

СТАВРОПОЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 13-й. 1906-й годъ. 1-го ЮЛЯ.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

С Л О В О *)

въ первый день Пасхи.

«Когда же или отъ воззвѣстийъ ученикамъ Его, вотъ Самъ Иисусъ встрѣтилъ ихъ и сказалъ: «Радуйтесь!» (Мѡ. 28, 9).

Прислушаемся, братіе, къ этому божественному голосу, взглянемся духовными очами вѣры въ эти измученныя, не осохшія еще отъ недавнихъ слезъ лица мироносидъ, благоговѣнно склонившихся къ ногамъ воскресшаго Спасителя: какой трогательный и высокочинаменательный моментъ въ жизни христіанства, въ исторіи всего человѣчества!...

Эти слабыя, робкія, угнетенныя женскія души, удостоившіяся небеснаго утѣшенія, представляютъ въ своемъ лицѣ символическій образъ всего ветхозавѣтнаго человѣчества—слабаго духомъ, вѣчно подавленнаго печалью жизни, вѣчно трепещущаго отъ страха смерти.

*) Произнесено въ Ставропольскомъ Каѳедральномъ соборѣ 2-го апрѣля 1906 года за вечерней.

Проклятіе съ самой колыбели чело­вѣчества отяготѣло надъ нимъ; нужны, печали и болѣзни сопровождали чело­вѣка всю жизнь съ рожденія до могилы, за которою и праведные не видѣли ничего утѣшительнаго для себя: „съ печалью сойду къ сыну моему въ преисподнюю“ (Быт. 37, 35), говорилъ благочестивый патриархъ Іаковъ, опла­кивая своего сына Іосифа.

А если и была какая радость у ветхозавѣтнаго чело­вѣка, это—радость обманчивая, призрачная, влекшая за собою глубокое разочарованіе.

Испивъ ее до дна, величайшій и мудрѣйшій царь Ев­рейскаго народа нашель въ своемъ сердцѣ лишь горькій осадокъ, испыталъ лишь томленіе духа и могъ изречь лишь эти вдохновенныя, но безотрадныя слова: „Суета суетъ, все суета“ (Екклез. 1, 2).

Какой жалкой послѣ этого была чело­вѣческая судьба, какой ничтожной чело­вѣческая личность!.. „Мы—персть“, говоритъ святой псалмопѣвецъ; „дни чело­вѣка какъ тра­ва; какъ цвѣтъ полевой, такъ онъ цвѣтетъ. Пройдетъ надъ нимъ вѣтеръ, и нѣтъ его, и мѣсто его уже не уз­наетъ его“ (Псал. 102, 14—16).

Въ этой тьмѣ былъ одинъ только лучъ свѣта—гряду­щій Искупитель, среди отчленія одна только надежда—на пришествіе Мессіи; да и этотъ лучъ свѣта ясно свѣтился лишь для духовныхъ очей избраннаго народа Божія, да и эта надежда твердо жила лишь въ сердцѣ Израиля. Однако, должны были пройти вѣка и даже тысячелѣтія, сойти съ земного поприща многія поколѣнія и даже на­роды, пока оправдалась Мессіанская вѣра ветхозавѣтнаго чело­вѣчества...

Но вотъ сбылась мечта вѣковъ, возшла звѣзда отъ Іакова (Числ. 24, 17)—Сынъ Божій пришелъ на землю. Но что это была за жизнь, какую Онъ избралъ себѣ на землѣ, какъ мало радости и вѣры приносила она притуп­ленному духовному взору ветхозавѣтнаго чело­вѣка?!.. Рожденіе въ ясляхъ, воспитаніе въ семьѣ бѣднаго плот­

ника, жизнь странника, не имѣвшаго гдѣ главу приклонить, отвергнутыми согражданами, обвиненнаго начальниками, осужденнаго на позорную казнь правителями—какъ мало все это походило на представленіе о Мессіи, сложившееся цѣлыми вѣками, и какъ много заключало въ себѣ того, чтобы „Чаяніе всѣхъ народовъ“ превратилось „въ предметъ пререкавій“, а близкимъ Ему людямъ „оружіе прошло въ душу“ (Лук. 2, 34—35)?! Наконецъ, Онъ умеръ, пречистое тѣло Его уже въ гробѣ—какое торжество злобы и невѣрія настало для однихъ, какая мука печали и сомнѣній для другихъ?! Казалось, тьма ветхозавѣтной ночи стала еще гуще, еще безнадежнѣе...

И вдругъ—блеснулъ разсвѣтъ, настало то благодатное утро, которое мы нынѣ празднуемъ—когда мракъ всякихъ сомнѣній исчезъ, а всѣ печали юнаго христіанства а съ нимъ и всего человѣчества мгновенно превратились въ одну безконечную радость,—утро, когда ангелы возвѣстили міру о воскресеніи Спасителя... Съ великою радостью, получивъ эту вѣсть, бѣжали мироносицы отъ гроба, чтобы повѣдать объ этомъ ученикамъ Господа, и вотъ Самъ Воскресшій предъ ними: онѣ видятъ Божественный образъ своего возлюбленнаго Учителя, видятъ живымъ Того, Кого еще такъ недавно похоронили, видѣли во гробѣ, оплакали—и это не сонъ, это болѣе чѣмъ дѣйствительность... И изъ тѣхъ святыхъ устъ, которыя еще такъ недавно и повидимому навсегда запечатлѣла рука смерти, онѣ слышатъ несравненное слово: „Радуйтесь!“—какая еще радость для нихъ могла быть выше, какое утѣшеніе совершеннѣе?!

Но божественное слово это обращено было не къ однимъ мироносцамъ—въ лицѣ ихъ оно обращено было ко всему міру, ко всему человѣчеству. „Радуйтесь“, какъ бы такъ говорилъ Спаситель людямъ, „что Я воскресъ, ибо это ясно свидѣтельствуеть о томъ, что я искупилъ васъ своею смертію, загладилъ вашъ первородный грѣхъ,

заслужилъ вамъ вмѣсто проклятiи—благословенiе, вмѣсто смерти новую безсмертную и блаженную жизнь“...

И вотъ съ этихъ самыхъ поръ возвышенная и чистая радость душевнаго настроенiя стала непремѣннымъ достоянiемъ, отличительнымъ качествомъ всѣхъ истинныхъ послѣдователей Христа, всего христiанства.

Прежде всего она сопровождала явленiя воскресшаго Господа своимъ ученикамъ (Иоан. 20, 20; Лук. 24, 41), когда исполнились точно слова Его въ прощальной бесѣдѣ къ нимъ: „но Я увижу васъ опять и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отниметь у васъ“ (Иоан. 16, 22). Затѣмъ продолжалась и по вознесенiи Его на небо и сопровождала всю остальную жизнь ихъ: въ веселiи они принимали пищу (Дѣян. 2, 46), радовались, принимая побои за имя Господа Иисуса (Дѣян. 5, 41); той же радостью дышать и благодатныя Писанiя ихъ (Иоан. 1, 4; Iак. 1, 1), а одинъ изъ нихъ—великiй апостоль языкъ—предложилъ даже христiанамъ, какъ постоянное правило духовной жизни, всегда радоваться (Фессал. 5, 16).

Этотъ свѣтъ неземной радости долго еще и послѣ апостоловъ ярко освѣщаль христiанское общество: онъ отражался и на лицахъ мучениковъ, съ улыбкою встрѣчавшихъ смерть за Христа, и на лицахъ оглашенныхъ при крещенiи, и на лицахъ святителейъ при совершенiи божественныхъ таинствъ, и на лицахъ отшельниковъ, лишенныхъ солнечнаго свѣта въ своихъ пещерахъ... и въ частности на лицѣ cadaго христiанина, на всей жизни христiанскаго общества во всѣхъ ея многостороннихъ проявленiяхъ. Это былъ великiй и чудный ореоль христiанства, подобно чудесному столпу пустыни, отдѣлавшiй новаго израиля отъ египтянъ—язычниковъ и привлекавшiй къ себѣ взоры всего мiра...

Такъ сильно измѣнилось настроенiе человѣческой души въ христiанствѣ, и всю эту дивную перемѣну произвело чудо воскресенiя Спасителя. Пужды, печали, болѣзни

остались у людей по прежнему, не избѣжали ихъ апостолы и первые христіане, — но они потеряли для нихъ всякое значеніе, всякую силу, они ихъ стали вмѣнять ни во что. Вѣтхозавѣтный человѣкъ всё свои надежды, всё свои цѣли привязывалъ къ одной земной своей жизни, и потому невзгоды ея оставляли глубокій слѣдъ въ его сердцѣ; христіанинъ, наоборотъ, сосредоточивалъ все свое вниманіе на будущей загробной жизни, считая себя странникомъ и пришельцемъ въ сей жизни и ожидая смерти, какъ приобрѣтенія (Филип. 1, 21).

Отсюда происходило вѣчное благодущіе среди тягостей жизни (2 Кор. 5, 6—8) и единственная печаль лишь и томъ, чтобы поскорѣе облечься въ небесное наше жилище (2 Кор. 5, 2). Но такую вѣру, такое убѣжденіе христіане всецѣло основывали на воскресеніи Христа: „а если Христосъ не воскресъ“, говоритъ апостоль Павелъ, „то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра наша“ (1 Кор. 15, 14); и въ другомъ мѣстѣ: „и если мы въ этой только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастнѣе всѣхъ человѣковъ“ (1 Кор. 15, 19).

Съ другой стороны, радость первыхъ христіанъ имѣла и положительный характеръ—это былъ особый благодатный даръ Божій, обѣщанный Спасителемъ ученикамъ своимъ а въ ихъ лицѣ и всѣмъ людямъ за соблюденіе Его заповѣдей: „если заповѣди Мои соблюдете, пребудете въ любви Моей, какъ и Я соблюдалъ заповѣди Отца Моего и пребываю въ Его любви. Сіе сказалъ Я вамъ, да радость Моя въ васъ пребудеть, и радость ваша будетъ совершенна“ (Іоан. 15, 10—11). Но мы знаемъ, какъ строго соблюдали первые христіане заповѣди Христа, какъ велики были ихъ добродѣтели, какъ высоко стояла ихъ нравственная жизнь. . . Неудивительно, поэтому, если радость Самого Господа наполняла ихъ сердца, если тогдашняя христіанская радость была совершенна...

Но, братіе, вѣдь и мы—христіане: отчего же такъ мало этой радости у насъ—въ современномъ христіанскомъ обществѣ? Отчего даже въ нынѣшній свѣтлый и радостный праздникъ мы болѣе похожи на двухъ учениковъ, которымъ на пути въ Эммаусъ явился воскресшій Господь и сказалъ: „о чемъ это вы, идя, разсуждаете между собою и отчего вы печальны?“ (Лук. 24, 17). Чѣмъ на мироносицъ, съ радостью великою спѣшившихъ отъ гроба Его, при вѣсти о воскресеніи (Мѡ. 28, 8)? Не оттого-ли, что у насъ уже нѣтъ вѣры первыхъ христіанъ и ихъ высокої нравственной жизни?...—Да, братіе. Оглянемся на свою жизнь: всѣ мы спѣшимъ, всѣ мы торопимся—но куда? не къ гробу Христа—въ храмъ Божій для молитвы, нѣтъ—насъ влечетъ къ себѣ Эммаусъ—мірская жизнь съ ея интересами и цѣлями: тамъ наше сокровище, тамъ и сердце наше... Простой дѣтской вѣрѣ Мироносицъ мы предпочитаемъ разсужденіе Эммаусскихъ путниковъ: всѣ религіозныя истины хотимъ провѣрить путемъ умственного изслѣдованія, научной критики, хотимъ религіозное вѣдѣніе обосновать на разумъ—какое печальное заблужденіе: Вѣра христіанская всегда и вездѣ утверждалась не на мудрости человѣческой, но на силѣ Божіей (1 Кор. 2, 5).

Нужно-ли удивляться послѣ этого, что въ сердцѣ насъ такъ мало радости истинно-христіанской?...

А нравы наши? Мы такъ плохо соблюдаемъ заповѣди Христа, что недостойны уже называться именемъ Его. Жизнь и нравственность наша получила опять ветхозавѣтный характеръ, и мы, если можно такъ выразиться, стали ветхозавѣтными христіанами. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть нагорную проповѣдь Спасителя и сравнить нашу жизнь съ Его возвышенными требованіями... Но, возвратившись къ ветхозавѣтнымъ нравамъ, мы, вполнѣ естественно, вновь стали чувствовать, переживать и ветхозавѣтную печаль. Изъ сказаннаго уже ясно, какъ можно современнымъ христіанамъ

вернуть утраченную радость: для этого нужно подражать вѣрѣ и жизни первыхъ христіанъ, устроить всю свою жизнь по этому древнему, но неизмѣнному образцу, который представляетъ практическое осуществленіе христіанскаго идеала жизни и въ этомъ смыслѣ обязательнъ для христіанъ въѣхъ время и народовъ.

Но одни человѣческія усилія наши, одна сила воли еще недостаточны, чтобы успѣшно совершить это устроеніе христіанскаго счастья. Для этого намъ нужна еще помощь Того, Кого сами апостолы молили: „умножь въ насъ вѣру“ (Лук. 17, 5), Кто Самъ сказалъ: „безъ Меня не можете дѣлать ничего“ (Іоан. 15, 5). А поэтому намъ нужна еще молитва о небесной помощи въ дѣлѣ переустройства нашей жизни по христіанскому идеалу и достиженія христіанской радости, христіанскаго счастья.

О воскресшій Господи Іисусе! умножь вѣру нашу, и помоги намъ къ лучшему измѣнить жизнь нашу, чтобы веѣмъ намъ войти въ радость Твою, о которой Ты въ-когда возвѣстилъ Мирносицамъ!... Аминь.

Преподаватель Ставропольской духовной семинаріи, діаконъ Іоаннъ Понятовскій.

II.

Священныи памятникъ

св. князю Михаилу Тверскому на Сѣверномъ Кавказѣ

Воскресенскій Мамай-Маджарскій мужской монастырь, Ставропольской губерніи.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ паломника).

Въ ряду другихъ окраинъ нашей дорогой родины, Кавказъ представляетъ собою весьма крупную величину, являясь, по мѣткому выраженію одного глубоко образованнаго человѣка, во веѣхъ отношеніяхъ „прекрасною